

Мы не всегда готовы к чуду, но зато всегда готовы к тому, чтобы его яростно отрицать. Робкое чудо, чувствуя себя незванным и неожиданным, тихо уходит, не желая нам докучать. А мы остаемся в своем мире, таком привычном, таком понятном и... таком скучном. «Гайя, Гэйа! Гайя, отзовись, откликнись. Где ты, жизнь моя? В каких заброшенных мирах и неведомых вселенных ты бесследно исчезла, зеленоглазая моя отрада? Ты устремилась ввысь, оставив меня прозябать здесь, в стилом холоде одиночества. Вспомнишь ли ты меня, заблудшую и предавшую тебя душу? Слышишь ли ты мои бессильные слова? Узнаешь ли ты мой слабый голос?»

Жалкий старик сидел в церкви, наклонившись вперед и прижавшись лбом к холодной скамье перед ним, вполголоса бормоча эти странные слова. Слезы катились по впалым щекам, покрытым седой щетиной, он вытирал их рукавом грязного потрепанного пиджака. От него веяло бесконечной безнадежностью и горечью глубоко спрятанной печали. Что мог натворить недоброго этот несчастный, в чем каялся он в этой пустой церквушке?

Спустя какое-то время к старику подошел служка и, осторожно тронув его за рукав, виновато сказал, что пришло время закрывать церковь на ночное время. Он замялся, и неуверенно добавил, что если нужно, то он может дать адрес ночлежного дома. Старик засуетился, вскочил, и виноватым голосом забормотал извинения. Служка смутился, и торопливо уверил, что он постарается открыть храм завтра пораньше. Он охотно бы позволил старику остаться, но настоятель отдал строгое распоряжение закрывать церкви на ночь. В последнее время неумные подростки безобразничают в округе, и бывает, что оскверняют церкви. Но рано-рано утром служка пообещал открыть двери и ожидать его в храме. На что старик, доверчиво посмотрев прямо в глаза служке, сказал, что рано утром его будет ждать божий суд, а не приветствие пастыря. Он надел ветхую вязаную шапку на голову и, с трудом переставляя ноги, безропотно пошел

к выходу, навстречу ледяному зимнему ветру.

Озадаченный служка сказал вслед, что никому не дано знать, когда придет его час предстать перед судом Отца нашего. На что старик медленно обернулся и, пожевав мягкими губами, тихо сказал:

- Но я-то знаю! Гайя, Гэйа уже давно ждут меня.

- Отец небесный добр к нам, он может простить нам наши грехи, - не зная, что еще можно сказать странному прихожанину, заученно произнес служитель.

- Меня нельзя прощать, - обернулся старик, тут свет от лампы упал на его лицо, и стало видно, что он еще не стар. Это был мужчина средних лет, только очень изможденный и уставший. Он моргнул слезящимися глазами, и чуть слышно произнес, - я же убил их обеих. Разве такое прощают? Нельзя меня прощать, никак нельзя.

Оторопевший служка на этот раз не нашелся, что сказать и только смотрел, как сгорбленная фигура старика постепенно исчезает во мраке зимней улицы...

Филипп стоял на перекрестке, ожидая зеленый сигнал светофора. Колючий пронизывающий ветер гнал ленивую поземку, и она ледяными змейками струилась по земле, кусая за ноги редких прохожих. Было уже поздно, люди прятались по теплым домам. Он нетерпеливо посматривал на светофор, который упрямо держал красный свет. Тут он заметил на другой стороне улицы худенькую девушку. Там был крохотный парк с фонтаном и скамейками. Она была в легком плаще, и заметно дрожала всем телом. Филипп поежился, представляя как ей должно быть холодно, если он в своем теплом пальто и пушистом шарфе продрог насквозь. Он заметила его взгляд, и робко улыбнулась в ответ. Филипп нахмурился, и отвел взгляд, потому что меньше всего на свете ему сейчас хотелось решать проблемы незнакомой девушки. А то, что у неё есть проблемы, было очевидным. Он тайком бросил взгляд в её сторону. Она была растеряна, и явно не знала, куда ей идти. «Ну, вот славно. Мне еще не хватало бездомной девицы», сердясь, подумал Филипп, хотя уже знал, что не сможет пройти мимо этого потерянного создания. В это время загорелся зеленый свет, и он неохотно двинулся ей навстречу. Девушка просияла, и сделала небольшой шаг навстречу. Филипп тяжело вздохнул, поняв, теперь уже точно придется что-нибудь делать.

- Добрый вечер! Похоже, что вы заблудились. Но, может быть, я ошибаюсь? - спросил он с тайной надеждой. Но, увы, сегодня был не его день.

- Я пришла из другого мира. Меня зовут Гайя, - она смотрела на него доверчивыми глазами. Они у нее были очень необычные, казалось, что они мерцали зеленым светом. А может быть, это так отражались блики рекламного щита, кто его разберет. «О,

Господи! Мне еще сумасшедшей не хватало», растерянно подумал он. Куда их там обычно сдают, в лечебницы что ли? И где он, на ночь глядя, будет искать эту лечебницу?

- Как тебя зовут, ты сказала?

- Гайя. Меня зовут иначе, но тебе не под силу выговорить моё изначальное имя. Перед приходом в ваш мир, мне следовало выбрать имя, доступное для вас. Я избрала это. Оно тебе по нраву?

- Как ты странно говоришь.

- Я изъясняюсь непривычно или неясно для тебя?

- Скорее непривычно.

- Если смотреть внутрь слов, всё станет ясным.

- Как это «внутри слов»?

- Ты не умеешь смотреть внутрь слов? - изумилась зеленоглазая девушка.

- Послушайте, милая девушка, уже поздно, я устал после тяжелой работы, я продрог. Я хочу домой, согреться и отдохнуть. Вы тоже замерзли, и вам следует идти туда, где есть теплое место. Но вместо этого мы стоим на этом собачьем холоде, и обсуждаем мои способности «смотреть внутрь слов». Вам не кажется это странным?

- Такое мне не кажется, - безмятежно ответила она. - Мы можем пойти к тебе, где тёплое место, и там оба согреться. Гайя готова пойти с тобой.

- Милая девушка! Я очень польщен, но я хочу пойти домой один. Это мой дом и мне нравится быть там одному. И греться я хочу в одиночестве. Мне компания не нужна. Если у вас есть куда идти, я могу проводить вас. Если нет, то я, к сожалению, ничем не могу вам помочь. Вам придется искать самой какое-нибудь прибежище.

- Но дом Гайи далеко, в другом мире, - сникнув, тихо ответила она. Иногда она странно говорила о себе в третьем лице.

- Хотя ваш родной дом в другом мире, но вы же должны знать адреса каких-нибудь ночлежек в этом мире.

- О, нет! Я только прибыла, и ничего здесь не знаю. Но вы мой проводник и мне покажете.

- О нет, увольте. Я - не проводник. Я - биржевой брокер, который сегодня потерял кучу денег. И завтра мне нужно будет эти чудовищные убытки как-то объяснять моим разъяренным клиентам. Так что у меня будет завтра трудный день, и я хочу отдохнуть. Прощайте, пришелица из другого мира.

Филипп, злясь на себя и свое стремление помогать первому встречному, решительно направился дальше.

- Если тебя, мой проводник, волнует только это, то тяготы не будет для меня всё повернуть вспять.

Филипп безнадежно махнул рукой, и, не останавливаясь, продолжил свой путь. На другое утро к полному его изумлению, все упавшие позиции на рынке неожиданно были отыграны. Такое чудо, конечно же, могло произойти, но для этого должны быть какие-то основания. Но их не было! Не было ни одной причины для такого стремительного роста и именно по его позициям. Озадаченный офис гудел, не понимая, что произошло, и как ему удалось предугадать тренды. Филипп рассеянно принимал откровенно завистливые поздравления, но в разговорах не принимал никакого участия, и о чем-то напряженно думал весь день. Как только рабочий день закончился, он сразу направился к тому же перекрестку. Еще издали он увидел девушку, которая сидела на

краешке скамейки, как озябшая птичка. Заметив его, она просияла, и кинулась ему навстречу.

- Те тяготы твои решились?

- Добрый вечер! Простите, но я забыл ваше имя, оно несколько непривычно для меня.

- Гайя! Так наречена была.

- Милая девушка Гайя! А нормально разговаривать вы умеете? Мне очень сложно вас понимать.

- С закрытыми глазами легче внимать словам. Закрой глаза и увидишь скрытое .

- Ну, ладно, попробую сделать, ты говоришь.

Он послушно закрыл глаза, и произошло нечто удивительное. Девушка со странным именем продолжала что-то щебетать, но теперь Филипп легко понимал её. Более того ему казалось, что он как бы видел то, что она рассказывала. Её голос лился одним ровным звуком, он не мог выделить в нем ни одного отдельного слова. Казалось, что между ее мыслью и его видениями не было границы. Вдруг он вспомнил, зачем собственно хотел её увидеть, и открыл глаза.

- Это ты сделала? Ну, то, что я вернул всё, что потерял? Я о деньгах.

Девушка сначала недоуменно посмотрела на него, но поняв, о чем он говорит, беспечно махнула рукой:

- Это меньшая утрата, ее вернуть несложно и приятно было мне. То малый дар, что можно проводнику оказать.

- Опять ты про своего проводника! Лучше скажи, как такое было возможно? Если все-таки это была ты...

Филипп поморщился, услышав себя со стороны, и поняв, в каком глупом положении оказался. Факт был налицо, он отыграл все позиции, и вернул деньги, как и обещала вчера девушка. Но поверить, что именно она смогла сделать такое, было бы верхом глупости. Такого не могло быть. И теперь глядя на худенькую окоченевшую от холода девушку, он тоскливо подумал, что это было простым совпадением. А теперь ему что-то нужно будет делать. Не оставлять же бедняжку на улице.

Он, конечно же, решил привести ее домой, поскольку он не придумал, что еще можно сделать. Был канун Рождества, и все были заняты своими хлопотами. Никому в этом большом городе не было дела до маленькой замерзшей девушки. Да мало ли их, этих никому не нужных глупышек, которые как светлячки летят ввысь, пока хватает сил. А потом, растеряв весь свет, гаснут, никому не нужные, и всеми забытые. Он, честно говоря, тоже бы прошел мимо, но как раз накануне он расстался с очередной подружкой, и был один. Рождество - праздник был семейный, желающих пригласить его не нашлось, а к своей семье он уже не успевал. Так что, утешил он себя, девушка станет на этот вечер его семьей.

- О, да, - просияла Гайя, - я прибыла сюда, стать тем, что вы семьей зовете.

Филипп очередной раз изумился, как она угадывает его мысли, но не успел он додумать про себя, как она сказала:

- Я не угадываю твои мысли, я их знаю. Ты - мой проводник и наши мысли едины.

Если бы не эти настойчивые бредни о проводнике, вздохнул Филипп, он бы считал, что ему повезло. Девушка была симпатичной и забавной, ему такие раньше не встречались. Что же придется потерпеть эти странности, пока он не придумает, что с ней делать. Они отправились к нему домой, купив по дороге множество коробочек с китайской едой. Вечер получился веселый и легкий. Филипп быстро привык к ее необычной речи, хотя

ему показалось, что она все-таки начала излагать мысли в более привычном для него стиле. Под конец вечера он открыл коробку с печеньем, в которые китайцы прятали записочки с предсказаниями. Глупость, конечно, но для праздничного вечера забава вполне подходящая. Филипп разломал свое печенье, и прочитал то, что там было написано: «Пришло твое время летать, преодолей головокружение и страх высокого полета. Ты - Избранный!»

- Ну, я так и знал, одни невнятные глупости, - разочарованно протянул Филипп.

- Почему же так сказал ты? - искренне изумилась Гайя. - Они сказали только то, что уже есть.

Она осторожно разломала свое печенье и не глядя протянула ему свою записку.

Филипп почему-то почувствовал волнение, взял записку, и прочитал запись. «Пришло время показать Избранному красоту полета. Хоть он боится высоты, и у него кружится голова».

- Так нечестно, это простое совпадение, - запротестовал Филипп. - Они, наверное, специально так придумали.

- Они не придумали. И если ты готов лететь, то можно в путь, - серьезно сказала Гайя. Филиппа неожиданно охватил азарт. «Ладно, - подумал он. - Летать, так летать, и посмотрим, как она из этого выкрутится». Гайя посмотрела на него пристально зелеными мерцающими глазами и постепенно очертания предметов стали расплываться. Потом ему показалось, что стены квартиры начали раздвигаться, а тело стало плавно взмывать вверх. Это было как сон наяву. Он осознавал, или вернее чувствовал, что он стремительно летит на огромной высоте. Он видел себя то ли облаком, то ли сгустком какой-то энергии, он не мог точно понять, кем же или чем же он стал. Но это нечто на невероятной скорости носилось над землей, то зависает над какими-то необычными местами. Но не это было главным! Главное было то, что он ощущал - взрыв могучей силы и пьянящей власти, неведомой ему ранее, невысказанное единение со всем миром. Он был один в безбрежной пустоте вселенной, и только знал, что Гайя где-то рядом. Только она во всем мире и этого было достаточно...

Утром он хмуро размышлял, что же ему подсыпала эта девица, что его так развезло, и корил себя за то, что привел в дом свой неизвестную дотеле деву безрассудно. Тут он чертыхнулся, осознав, что и сам теперь выражается как это странное создание. А странное создание мирно сопело на диване, и чему-то радостно улыбалось во сне. Она казалась такой маленькой и хрупкой, что Филиппу стало стыдно за свои подозрения. Так она осталась у него, надо сказать, к взаимной радости. Филипп всё больше привыкал к ней, она умела смотреть на мир совсем иначе, чем он. Это был взгляд мудрого ребенка, и для него это было любопытным экспериментом - познавать мир через призму ее впечатлений. Он постепенно расслабился, и доверяя ей все больше. Да и мир, который видела она, был куда ярче и светлее, чем его собственный. Он начал замечать то, что ему раньше было недоступно - красоту и доброту, заботу и внимание, свет и тепло. Даже то, что он теперь видел страдания и печаль, не угнетало его, а, как ни странно, дополняло картину прекрасного мира. Гайя сказала, что нельзя познать свет без тьмы, а любовь без предательства. Иначе как же ты поймешь, истинную красоту света, если ты не видел тьмы? Как оценишь преданность человека, если не столкнешься с болью предательства? Как сам возвысишься, если не падал вниз, разбиваясь в кровь? Ее простые мысли иногда ошеломяли его, и он не мог понять, как же он сам не мог до них додуматься? Она объясняла, чтобы понять явление или человека, нужно смотреть

внутри, и не принимать на веру то, что на поверхности.

Филиппу стало интересно, и он с удовольствием учился у нее «смотреть внутрь».

Жизнь его наполнялась яркими и неожиданными событиями. Способности Гайи поражали его, и он не мог объяснить даже трети того, что она могла делать. Сначала это будоражило его хищный ум, которым он так всегда гордился. Ему хотелось найти простые и понятные объяснения. Ведь должны же быть какие-то разумные обоснования всему тому, что происходило. Не хватало еще ему, умному и образованному человеку, поверить в инопланетян и другие миры. Конечно, ему нравились эти забавные фильмы и книги о пришельцах, но человеку разумному присуща способность отличать реальность от фантазии. Но когда, несмотря на все его старания, его прагматичный ум не находил объяснения, он решил, что нужно на время отказаться от поиска логичных обоснований. Нужно сдерживать свой холодный разум, этого хищного зверя, который воспринимает познание мира, как свою законную добычу. А там, будь, что будет, решил он. Как только он сделал этот шаг, яркий вихрь завертелся вокруг него еще стремительнее. Спустя недолгое время он понял, что любит эту удивительную девушку. Теперь уже ничто не могло остановить их стремления друг к другу. В какой-то момент ему пришло в голову, что их отношения похожи на сближение двух далеких планет. Но как только это сравнение пришло ему в голову, то тут же появилось тревожное неприятное ощущение. Его разум тут же напомнил, что обычно от столкновения планет ничего хорошего не бывает. Но Филипп тут же решительно отогнал эти мысли, они мешали ему.

Он несколько раз пытался расспрашивать Гайю о том, что значит «проводник», почему она говорит, что он избранный. Но она замыкалась, и говорила, что он должен пройти испытание и тогда она сможет ему всё рассказать. Но в чем заключалось это испытание, она тоже не говорила. Несмотря на все его старания, ему мешали эти нестыковки и странности, они были как занозы, которые жить не мешают, но время от времени ноют и напоминают о себе. Еще его смущало то, что он не может представить девушку никому из своих друзей, да и с его консервативной семьей знакомство было маловероятным. Он прекрасно представлял, как ее будут воспринимать все, кого он знал. Уговорить же Гайю, говорить или действовать иначе тоже было невозможно, она не умела притворяться или играть. Она была естественной и искренней как воздух или свет. Вы не можете попросить свет погаснуть на время, это явление, которое вам неподвластно. Так и Гайя, в представлении Филиппа, была природным явлением, которое он так и не мог понять или подчинить себе. Так прошло несколько сумасшедших месяцев, самых счастливых месяцев его жизни.

Увы, но вскоре его прагматизм, затаившийся на время, получил наконец-то свою добычу. Как-то раз он ехал со встречи и вдруг увидел Гайю, которая уверенно шла по улице. Филипп сначала хотел остановить такси, но потом передумал. Поведение девушки не было похоже на нее. Обычно она старалась не выходить из дома, особенно сама. Да и с ним она вела себя не очень уверенно. Хотя она была любопытна и время от времени выходила, как она говорила, «познать этот мир». Но к таким походам она долго готовилась, и потом у нее было множество впечатлений, которые она изливала на него. Сегодня она не собиралась никуда, да и для его Гайи походка этой девушки была слишком уверенной. Он даже подумал сначала, что ошибся, но это была она. Он велел водителю следовать за девушкой. Вскоре она вошла в какой-то обшарпанный дом, и там задержалась надолго. Филипп прождал ее больше часа, но девушка так и не появилась.

Ждать больше не имело смысла, и он вернулся домой. Он удивился, увидев, что она была уже дома и, как всегда, бурно ему обрадовалась. На его вопрос, как прошла ее прогулка, Гайя широко открыла глаза, и удивленно ответила, что никуда не ходила. Так впервые к Филиппу закрались подозрения. Он решил, что нужно будет съездить в тот дом и всё разузнать. И такой случай представился очень скоро.

- Пойду познавать ваш мир и искать в нем красоту, - сказала Гайя.

- Ступай, может хоть у тебя получится найти ее в нашем мире, - чуть насмешливо ответил Филипп, и поцеловал ее в нос. Через несколько минут, он выглянул в окно, и увидел, как она скрылась за углом дома. Тогда он торопливо собрался и спустился в гараж. Ему нужно было спешить, чтобы успеть до работы заехать в тот дом, в который она заходила. Он подъехал и припарковался почти рядом с ним. Он внимательно всё осмотрел - окна дома были заколочены, сад запущен и зарос сорняками, полуразваленная калитка неприятно поскрипывала на ветру. Филипп огляделся, и увидел пожилого мужчину во дворе дома напротив. Он подошел поближе и окликнул его:

- Скажите, пожалуйста, можно вам задать вопрос?

- Да на здоровье, от меня не убудет от вашего вопроса, - охотно отозвался он, отрываясь от газонокосилки, которую чинил.

- Я хотел спросить вас о девушке, которая, кажется, живет в том доме. Ее зовут странным именем, Гайя.

- А-а, нашлась-таки? Или натворила чего? Хоть живая-то?

- Да ничего страшного, с ней всё в порядке. Мне просто нужно о ней узнать.

- Ну, хорошо, что живая. Только зовут её совсем иначе, Дэнни. Гайей она стала называть себя совсем недавно. Она немного не в себе. Она всегда здесь жила со своей матерью. Жили они нелюдимо, мало с кем общались. Дэнни всегда была застенчивой девочкой, вечно ходила, опустив глаза. Я знаю, что у нее были какие-то проблемы, и мы даже как-то прознали, что мать положила девчонку в больницу, ну, вы знаете, больницы для тех, у кого с головой плохо. Что там уж у нее было, никто не знает, но Дэнни там долго что-то держали. Потом она снова появилась здесь и снова ходила как тень, опустив глаза и ни с кем не здороваясь. Ее мать говорила, что она боится всех людей, вот и прячется. Потом как мать умерла, она долгое время не выходила из дома, потом появилась, но была уже какая-то чудная. Стала называть себя этим странным именем, и знаете, как то даже внешне изменилась. Мы пытались ей помочь, жалко же девчонку. Но она вскоре исчезла. Вы говорите, что она недавно приходила сюда? Может быть, но я не видел её.

Мрачный Филипп вернулся домой, решив в этот вечер избегать общения с Гайей. Ему нужно было время, чтобы проанализировать ситуацию и принять решение, что делать дальше. Всю дорогу он думал, как бы это сделать, чтобы не напугать ее. Ведь она чувствовала каждое его движение и знала почти все мысли. Но делать ничего не пришлось. Впервые за все это время она не выбежала ему навстречу. Она сидела, забившись в уголок кресла, напомнив ему маленькую взъерошенную синичку. Они молчали весь вечер, а потом она неожиданно почти шепотом произнесла:

- Мне нельзя говорить то, что я скажу. Меня могут наказать за это, но я так люблю тебя, что скажу несмотря ни на какие кары. Если ты подлинно любишь другого, то принимаешь полностью, как он есть. Нельзя верить частями, нельзя принимать частями. Вера должна быть абсолютной, иначе она перестает быть верой. Только тогда любовь

может возвыситься до чуда. А иначе власть переходит к темной силе, и та поглощает свет любви, разрушая всё до предела. Нет возврата из разрушенного мира, там прах и холод.

- Слушай, давай хоть сегодня обойдемся без этого мессианства и умничанья, - неожиданно раздраженно отозвался Филипп. Гайя вздрогнула, и пристально посмотрела на него своими мерцающими глазами. - И очень тебя прошу, перестань гипнотизировать меня, сегодня этот прием не действует.

- Похоже, ты не прошел испытание, мой проводник, - грустно вымолвила девушка. - Но шанс остается, надо верить.

- О, господи! Я же просил тебя, - вскинулся Филипп. Гайя замолчала, и больше не сказала ни слова. Ни в этот вечер, ни на следующий день.

Филипп нашел больницу, в которой ранее лежала девушка. Правда, к его удивлению, не было ни одного врача, который бы лечил ее или хотя бы помнил. По тому имени, которое сообщил сосед, нашли ее медицинскую карту, там была фотография девушки. Правда, не очень четкая, но, тем не менее, он ее узнал. Или ему показалось, что узнал. В глубине души, он уже знал, что ему просто захотелось найти простые понятные ответы на свои вопросы. Вся эта история не могла быть правдой, он понимал, что его собственный мир смещается и ему трудно так жить, не имея твердых точек опоры. Было бы проще, если бы ее обследовали, и четко ответили, больна она или здорова. Тогда бы он знал, как действовать далее. Он любил ее, и не собрался бросать, даже если она была бы больна. Он был готов сражаться за нее до последнего. Пусть только ему скажут, что с ней. Если она здорова, он охотно будет верить во все эти сказки и играть роль проводника, или кого угодно. Но он хотел ясности, его хищный разум сорвался с цепи, и он больше не мог его контролировать.

Он договорился с врачом, что он привезет ее, и оставит в больнице на неделю. Пока на неделю, а там будет видно. Заманить ее не представляло никакого труда, она верила ему абсолютно. Гайя безропотно собралась, вышла из дома и послушно села в машину, только ее непривычная молчаливость и бледность говорили о том, что с нею что-то происходит. Филипп попытался весело с ней разговаривать, но повернулась, и посмотрела ему прямо в глаза. От взгляда этих ясных глаз он растерялся и замолчал. Тихая и сосредоточенная, она вошла в здание больницы. Она продолжала верить ему. Когда пришел врач и фальшиво ласковым голосом сказал, что ей нужно будет здесь остаться ненадолго, всего на несколько дней. Гайя даже не взглянула на врача. Она снова повернулась к Филиппу, и посмотрела на него. Филипп покраснел и тоже начал бормотать, что это ненадолго. Внезапно она заговорила.

- Гайю нельзя закрывать, - умоляющим голосом, но очень настойчиво, сказала она, по-прежнему не отрывая от него взгляда. Она снова начала говорить о себе в третьем лице, как это было в начале их знакомства. - Ты же знаешь, что я не смогу без простора и свободы. Я должна буду уйти тогда.

- Милая моя! Ты останешься здесь, так надо.

- Ты знай тогда, что ты губишь не только Гайю. Но и Гэйю.

- Кто такая Гэйя?

- Дитя человеческое. Твое дитя.

- Черт, только этого не хватало. Что ты такое говоришь? Какое дитя?

- Гайя уйдет в свои просторы, она сможет это сделать. Но Гэйе этого не сделать, она еще слаба, и она не дитя моего мира. Она должна остаться здесь. Спаси её, ты еще

можешь это сделать. Скажи этим добрым людям, что ты ошибся, и извлеки меня отсюда.

-Гайя, не глупи. Эти добрые люди помогут тебе вылечиться. Я так больше не могу, я должен понять, что с тобой происходит. Я не в силах больше слушать этот бред об инопланетных мирах и о твоей миссии. Я хочу, чтобы тебе поставили диагноз, и вылечили тебя. Я люблю тебя. Мы будем вместе, я обещаю тебе. Но сначала ты должна вылечиться.

- Ты должен верить мне. Иначе ты погубишь нас. И ты погубишь себя, ты - избранный для моей миссии. Это и было твоим испытанием, самым трудным из всех. Испытание абсолютной верой. Ты не прошел его, мой проводник, и мне следует вернуться в свой мир, там ждать вечность до следующей секунды, когда соединятся наши ритмы вновь. Но ты, мой проводник, не сможешь остаться таким, как ты был до этого. Ты не сможешь забыть того, что было. И это будет губить тебя. Я не смогу забрать твою память.

- Не надо забирать мою память. И прекрати, ради бога, говорить об этой чертовой миссии. Всё! Ты остаешься здесь. Я скоро приеду и мы решим, что делать дальше. Врач успокоил его, сказав, что всё прошло хорошо и завтра они приступят к полному обследованию. Через неделю он сможет получить врачебное заключение о ее состоянии и необходимом лечении, если таковое потребуется.

Ему пришлось уехать по делам на несколько дней. Всё пошло не так, как он ожидал, и ему пришлось задержаться целую неделю. Как только он вернулся, то сразу же поехал в больницу, на душе было тревожно. Он хотел убедиться, что с ней всё в порядке и все-таки понять, насколько она больна. Он надеялся, что врачи все-таки смогут поставить ей диагноз, и сообщат прогноз на излечение. Тем более его смущали слова о ребенке. Но в приемном покое ему сообщили, что девушка умерла той же ночью, когда он привез ее в больницу. С ним пытались связаться, но не смогли. Как это произошло, никто так и не понял. Ее оставили на ночь в смиренной рубашке, опасаясь, что она попытается сделать что-нибудь с собой. Наутро она была мертва. Вскрытие не помогло понять, от чего же она умерла, организм был в идеальном состоянии. И была еще странность, как сообщили ему в больнице. Она действительно была беременна, судя по развитию, ребенку было месяца четыре. Это была девочка. Как это могло быть, ведь девушка была совершенно худенькой, и не было явных признаков беременности, остается загадкой. Но факт есть факт.

Филипп напился в тот день до беспамьятства, чтобы на время забыть то, что он натворил. Но это помогло ненадолго, и ему пришлось снова напиться, лишь бы не помнить ничего. Так продолжалось долгое время. Он жил в постоянном почти безумном желании забыться. Он потерял всё, сначала работу и квартиру, потом пришел черед друзей, а спустя несколько лет от него отказалась и его семья. Хотя для него это теперь не имело никакого значения. Он потерял свой мир, сам уничтожил свой свет. Теперь неумолимая тьма постепенно поглощала его. Потом он перестал пить, поняв, что это ему ничем не помогает. Он смирился, и понял, что нужно просто ждать. Ждать, пока тьма разрушит всё до предела. Она так сказала, что сначала тьма все разрушит, а потом нужно будет ждать их секунду, когда появится шанс, и их ритмы снова совпадут в холодном мраке вечности. Так что он просто терпеливо ждал.

«Ты была права, моя чудесная Гайя! Я не смог забыть ничего. И для меня больше не было жизни. Я обречен блуждать в потемках, пытаюсь разгадать твою загадку, была ли ты из другого мира или была просто больна. Но разве мог я, слабый человек, разгадать

чудо твоего явления и тайну исчезновения? Я мучительно терзался этим всю жизнь, но знал только одно. Кем бы ты ни была, я погубил тебя и наше дитя. Виною тому была моя трусость, жалкая трусость и страх отличиться от таких же примитивных существ, как и я. Ты промелькнула в моей жизни, как луч света. Но ты же и сожгла мою жизнь дотла. В ней не осталось ничего, кроме этой загадки. И ответа на нее я не знаю до сих пор. Но я надеюсь, когда я уйду в мир иной, у меня появится шанс открыть твою тайну. Кем же ты была, Гайя? И куда ты ушла? Хотя мне теперь все равно, в чем эта твоя тайна. Я хочу, чтобы ты просто была рядом».

На следующий день служка торопился в церковь пораньше, как и обещал старику. Что-то тревожное и трогательное было в этом старом человеке, его очень хотелось пожалеть, сказать, что всё будет хорошо. Или что-нибудь другое, но обязательно нужно было сказать ему добрые слова. С этими мыслями служка торопливо шел к церкви. Едва здание церкви показалось, как он уже увидел старика. Тот сидел на обледеневших ступенях и ждал его. Молодой человек заторопился, но, подойдя поближе, увидел, что бедолага уже никого не ждет. Черты лица его изменились, и теперь снова было видно, что это мужчина средних лет. Он смотрел застывшими широко открытыми глазами куда-то вверх, и лицо его было наконец-то спокойным и почти счастливым. Так улыбается человек, который получил давно ожидаемое прощение или вернулся к себе домой после долгого странствия...